

Виктория Токарева

Остановись, мгновенье...

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Токарева

Остановись, мгновенье...

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Остановись, мгновенье... / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус»,
2020

ISBN 978-5-389-18661-3

«Когда долго смотришь на солнце, потом не видишь ничего вокруг себя. Все обесцвечено. Так и я. Жила, ничего не видя вокруг себя. А на что смотреть? Меня спасала семья, которая стояла прочно, как скала. Меня спасали мои ненаписанные книги и мой талант, хотя и нескромно об этом говорить. Талант – как грудной ребенок: орет, требует, его надо обслуживать, забывая о себе. Мой талант держал меня на плаву и говорил: “Ничего не кончилось, все еще будет”». Виктория Токарева

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-18661-3

© Токарева В. С., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

И жизнь, и слезы, и любовь...	6
Коммунальная квартира	8
«Джентльмены удачи»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Виктория Токарева

Остановись, мгновенье...

Сборники произведений Виктории
Токаревой в издательстве «Азбука-Аттикус»

О том, чего не было
Летающие качели
Ничего особенного
Извинюсь. Не расстреляют
Сказать – не сказать...
Римские каникулы
Антон, надень ботинки!
Можно и нельзя
Почем килограмм славы
Этот лучший из миров
Мужская верность
Птица счастья
Террор любовью
Дерево на крыше
Тихая музыка за стеной
Короткие гудки
Так плохо, как сегодня
Сволочей тоже жалко
Муля, кого ты привез?
Мои мужчины
Немножко иностранка
Кругом один обман
Дома стоят дольше, чем люди
Дом за поселком
Жена поэта
Остановись, мгновенье...

© Токарева В. С., 2020

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

Издательство АЗБУКА®

И жизнь, и слезы, и любовь...

Повесть

Меня пригласили на передачу «Судьба человека».

Человек – я. Судьба – это характер. А может быть, характер ни при чем, все записано заранее в книге судеб. Так или иначе, пришлось пробежаться памятью по своей жизни. Как гармонист по кнопкам. Пробежаться и послушать звучание. Каково оно? Весело? Грустно? Или просто собачий вальс...

Удалась ли мне моя жизнь, или все пошло наперекосяк?

Чего я добилась? Что сбылось из того, о чем мечтала?

В свои двадцать лет я мечтала напечататься в журнале «Юность». И я напечатала статью под названием «Страна чудес». Я даже не помню, о чем эта статья. Какая-то мурра собачья. Но статья вышла в журнале «Юность». Там стояла моя фамилия. Счастье.

В это время я уже была замужем за Игорем Дьяченко и жила в Москве на улице Горького, в доме, где помещался ресторан «Баку». Самый центр. Мы жили с родителями Игоря. Их звали Софья Ефимовна и Лев Ильич. Соня и Лева. Им в ту пору было по пятьдесят с небольшим. Молодые еще люди, но мне, двадцатилетней, они казались почти стариками.

Соня до войны работала в организации, которая называлась Коминтерн – Коммунистический интернационал.

Чем занималась Соня? Это был большой секрет. Со временем секрет приоткрылся. Соня внедряла наших шпионов в другие страны. Шпион должен был куда-то приехать, с кем-то встретиться, пароль, то-се. Ни в коем случае не провалиться, иначе Соне не сносить головы.

Соня была молодая, синеглазая, стройная. Двигалась стремительно, как подстегнутая лошадка.

Ей поручали встречать высоких гостей. Почему? Она была красивая и сообразительная. Ей не надо два раза повторять, все понимала с полуслова.

Однажды Соня в красной косыночке встречала важного гостя – лидера зарубежной коммунистической партии. Она стояла, исполненная гордости, но вдруг захотела по малой нужде. Физиология вмешалась весьма некстати. Отойти было нельзя, но и терпеть невозможно. Соня надеялась, что позыв как-то рассосется или хотя бы ослабнет, но нет. Еще секунда – и лишнее потечет самотеком, и лидер коммунистической партии станет свидетелем большого позора и может даже усомниться в базовых ценностях коммунизма, построенного в одной отдельно взятой стране.

Сонечка метнулась в туалет, который находился в шаговой доступности, и в этот момент, именно в эту секунду, вошел лидер с сопровождением. Его никто не встречал. Лидер растерянно оглядывался. Скандал!

Лидер выразил свое недоумение, и в эту минуту вернулась Сонечка – синеглазая и виноватая, буквально преступница.

Сопровождение разинуло пасть и стало избивать Сонечку словом. Сонечка зарыдала. Лицо ее собралось в такую горестную гримасу, а слезы хлынули таким водопадом, что лидер не выдержал и обнял Сонечку. Услышал под ладонями ее юное тепло, ощутил на своих губах морскую влагу ее слез. И влюбился.

Сонечку повысили по службе. Лидер все никак не мог справиться со своим чувством. Разгорелся роман.

У Сони к тому времени уже был муж Лева и сын Игорь. Она попала в сложное положение. Семья – святое, но Лева был комсомолец, а лидер – коммунист. Соня жила под гипнозом

высоких идей. Лидер перевешивал на весах жизненных перспектив. Однако Лева – законный муж, а лидер законы игнорировал. Жил одним днем и ничего не обещал. Только слова. Слов он не жалел, сыпал как из мешка. А потом и вовсе уехал в свою страну и в свою семью.

Соня не стала тратить время на бесплодные страдания. Она быстро забеременела и родила второго ребенка – девочку Светочку. Светочка оказалась копией Левы, так что Сонечка как бы удвоила Леву и тем самым укрепила семейную жизнь. А лидер ушел в культурный слой ее памяти. Было и прошло. А может, и не прошло, но все равно надо жить настоящим.

Настоящее – это дети, живые и теплые, и муж Лева – тоже живой и теплый. А тут еще война. Эвакуация. Хождение по мукам.

Война окончилась. Мнительный Сталин всех подозревал в заговоре, никому не верил и на всякий случай убил Михоэлса, посадил жену Молотова, обезопасил себя от мнимых врагов.

Начались массовые посадки, интеллигенция втянула головы в плечи. Никто не забыл террор тридцать седьмого года. Надеялись, что война прекратит эту инквизицию, переведет стрелку с минуса хотя бы на ноль. Но нет.

Сталинская паранойя не ослабла, мания преследования крепла, взметнулась новая волна.

Сотрудников Коминтерна начали сажать. Черная машина приезжала ночью.

Соня ждала со дня на день, но за ней никто не пришел. Видимо, она была слишком мелким винтиком в государственной мясорубке. Про нее забыли. И она уцелела. Затерялась. Но напряжение ожидания... Иногда казалось, что лучше бы уже пришли и взяли и посадили в камеру. Все-таки определенность. Определенность – лучше ожидания. Хотя как знать...

Коминтерновцы жили в гостинице «Националь» – десять минут от Кремля.

Соне нравился центр. Выходишь на улицу, идешь в потоке людей и заряжаешься энергией потока. Хорошо.

Коминтерн стали расселять. Вместо центра предложили задворки Москвы. Сейчас это – красные дома в районе метро «Университет». Элитный район. А тогда – край Москвы, избушки на курьих ножках, ходят коровы, лают из-под заборов собаки, бабушки в платочках продают корявые яблоки, блохастые цветы. Соне казалось, что с роскошного парохода в огнях их переселяют на старую баржу, где мусор, ржавые бочки и сплошные сумерки.

Бедная Соня не умела смотреть вперед. В красных домах предлагали отдельную трехкомнатную квартиру. На семью из четырех человек это было необходимо и достаточно. Но Соне нужен был центр, и только центр, и она получила улицу Горького, дом двадцать четыре, в котором размещался ресторан «Баку». Ей досталась тридцатиметровая комната в коммуналке. Соня наняла пару работяг. Они разделили комнату пополам, поставили тонкую стенку. Обклеили обоями. Получилось две кишки.

В эти две кишки Игорь привез еще и жену. То есть меня. Только меня там и не хватало. Но как же хорошо мы жили! Вот уж действительно: в тесноте, да не в обиде.

Коммунальная квартира

Квартира, в которую въехала Соня, состояла из четырех комнат. В каждой комнате – семья.

Напротив нас жила женщина неопределенного возраста. По имени ее никто не называл, все звали «Рыжая». Она красилась в рыжий цвет.

До моего приезда Рыжая жила с мужем Яшей, но потом Яша пропал. Он ушел к молодой, которая родила ему ребенка. Престарелый Яша стал отцом. Ребенок плюс молодая жена – серьезный перевес не в пользу Рыжей.

Рыжая ходила подавленная. Однажды я случайно подслушала ее телефонный разговор с бывшим мужем. Она уговаривала Яшу вернуться. Меня поразили ее нежные молодые интонации. Рыжая напоминала Яше золотые времена, когда они оба бродили под покровом любви.

Яша не поддавался. Прошлое ушло в прошлое. Рыжая плакала возле телефона. Ее любовь похоронили, зарыли в землю, а любовь еще жива и вопиет.

Я в это время находилась в ванной комнате, невольно слышала разговор и удивлялась: как может такая старая и некрасивая любить сама и рассчитывать на ответное чувство?

Яшу я однажды видела: возрастной, приземистый еврей в каракулевой шапке «пирожок». Не Ромео. И надо же, кто-то на него польстился. Чудеса.

Иногда Рыжая уезжала в Крым, к больному брату. Комната целый месяц стояла пустой. Яша давал ключи своим друзьям – старым прелюбодеям, и они приводили в комнату подруг низкой социальной ответственности (современное выражение). А если попросту, дешевых шлюх.

В это время кто-то обязательно находился на кухне и видел, как по коридору шествует грешная пара: баба, похожая на метлу, и мужик – копия Яша, такой же приземистый и в таком же «пирожке».

Смотреть на это было стыдно. И противно, когда твое жилище превращают в бордель, пусть даже временный.

Рыжая возвращалась. Бордель прикрывался. Ей никто ничего не говорил. Она не знала.

Однажды Рыжая получила письмо из Крыма. Жена брата сообщала, что больше она не останется с больным человеком. Пусть Рыжая забирает его в Москву, поскольку один он оставаться не может.

Рыжая пришла в ужас. Присутствие брата-инвалида буквально зачеркивало ее жизнь. Но делать нечего.

Брат появился в нашей коммуналке. Большую часть времени он находился в комнате, но иногда выходил погулять в коридор. Это был мужчина непонятного возраста – от сорока до семидесяти. Лицо отражало отсутствие всякой мысли. Видимо, мозг не работал.

Он стоял слегка под углом, пробовал ходить, иногда громко пукал и после этого пробежал вперед несколько шагов. Сие напоминало запуск космической ракеты. Из хвоста вылетает жар, после чего ракета устремляется ввысь.

Рыжая его жалела. Я видела, как она готовит ему диетическую еду: морковь, яблоки, сливки. Должно быть, это вкусно. Рыжая вообще была рукастая, опрятная, ответственная – идеальная жена. Потеряв мужа, она потеряла смысл жизни. Больной брат в какой-то степени восполнил этот смысл.

Соседи не играли никакой роли в моей жизни. Почему я пишу о них так подробно? Потому что далекое прошлое помнится гораздо ярче и отчетливее, чем близкое вчера и позавчера. Это особенность человеческой памяти.

Рядом с нашей комнатой жила семья из четырех человек: Шурочка, ее муж Владик и двое маленьких детей.

Работал один Владик. Он всегда ходил в белой рубашке под галстук, из чего я сделала вывод: Владик – чиновник. Он был высокий, красивый, породистый, вполне молодой. Я ему нравилась. Шурочка это видела и бесилась.

Я ничего не замечала. Я была влюблена в своего мужа, и другие мужчины для меня не существовали. Так что перед Шурочкой я была чиста, как капля росы на траве.

Однажды я приобрела шапку из рыси. Вышла на кухню показать себя во всей красе. На кухне стоял Владик. Я спросила:

– Красиво? – и повернулась вокруг своей оси.

– Ты еще юбку задери, – предложила Шурочка.

– Зачем? – не поняла я.

– Покажи, как там: красиво или не очень?

Соня пробовала борщ. Рот ее был занят. Она промолчала.

Владик за меня не вступился, и правильно сделал. Зачем подливать масла в огонь?

Я посмотрела на всю эту компанию и сказала:

– Какие вы все противные! – и удалилась в свою комнату, исполненная достоинства.

Соня вошла следом. Я думала, она будет ругать меня за грубость, но у Сони было хорошее настроение и приветливое лицо. Она все понимала: Владик – бабник, Шурочка – на страже своих границ, как пограничник, а я – чистый лист, на котором еще никто и ничего не написал.

Мой жизненный опыт был неглубокий и прозрачный, как вода у берега. Впереди – бескрайнее пространство, а также огонь, вода и медные трубы. Но я об этом еще ничего не знала.

Иногда Шурочка не желала готовить, а заказывала обед в ресторане «Баку». Ей приносили на дом изысканные блюда с мусульманским акцентом. Запах мяса, жаренного на углях, растекался по всей квартире. Сонечка недоумевала: откуда такое барство? Одна зарплата Владика на семью из четырех человек, не всегда получается свести концы с концами. А тут – ресторан, да еще на дом... Откуда столько гонора у людей с голым задом?

Я думаю, Соня немножко завидовала. Она не могла позволить себе такое даже в мыслях. А Шурочка – позволяла. Это был ее протест против наезженной колеи. Шурочке надоедало тащиться, как лошади, запряженной в телегу, и ничего не видеть вокруг. Время от времени лошадь останавливалась и переворачивала телегу. А иногда и вовсе вырывалась из упряжки и скакала по дорогам и по заснеженным полям.

Шурочка далеко ускакать не могла. Семья. А Владик ускакал в конце концов.

Это случилось после того, как мы съехали с улицы Горького. Он звонил мне по новому телефону, хотел поговорить. А я каждый раз не понимала: о чем мне с ним разговаривать? С Шурочкой или без Шурочки он был мне неинтересен.

Теснота и бедность ничему не мешали. Но я понимала: надо что-то делать. Надо карабкаться. Какое-то время можно жить так, но не всегда.

Я устроилась работать учительницей пения в подмосковной, практически сельской школе. Директор школы – сорокалетний осетин – взял меня на работу по двум причинам. Первая причина – вакансия, свободное место. А вторая причина – мои двадцать два года.

Осетин был всегда небрит, и казалось, что на его щеках – зеленоватая плесень.

Я не понимала, чего он от меня хочет, зачем вызывает в свой кабинет. Он тем не менее вызывал и начинал медленно приближаться. Я медленно отдалялась. Мы плавно ходили вокруг стола. Потом я оказывалась возле двери и спортивно выскакивала в коридор.

Меня поражала мужская самоуверенность. Неужели этот заплесневелый пень на что-то рассчитывает? Куда он лезет? Видимо, директор считал себя барином, а подчиненных – дворней. Ему можно все. Но не на такую напал. Я могла и в морду плюнуть. Однако зачем этот спектакль? Я просто ушла с работы без сожаления. Пение – предмет необязательный. Дисциплина на уроках отсутствовала. Ученики со мной не считались, могли дернуть за волосы. Строили рожи за моей спиной.

Я возвращалась домой несчастная и униженная. Жаловалась мужу. Он говорил:

– Не обращай внимания. Я у тебя есть, и все. Что еще надо?

Он у меня был, а я была у него. Мы были друг у друга, только этого мало, хотелось чего-то еще. Хотелось реализации своего «я». Чтобы все вдруг замерли и воскликнули: «Смотрите, кто пришел!»

Для полного счастья одной любви недостаточно. Может, кому-то и достаточно, но не мне.

Однажды мы с Игорем отправились в Парк культуры имени Горького. Было воскресенье, ранняя осень.

Купили билеты на колесо обозрения. Колесо подняло нас над Москвой, на самую высокую точку.

Я вдруг сказала:

– Вот так и я поднимусь когда-нибудь надо всеми.

Игорь покосился в мою сторону и заметил:

– У тебя мания величия, иди полечись...

А никакой мании не было. Просто я чувствовала в себе дополнительную тугую энергию и верила в себя.

Игорь был всем доволен. Ему не хотелось куда-то лезть, высоко подниматься. Ему было хорошо на своем месте, и мое тщеславие его настораживало и даже пугало. А вдруг я действительно вырвусь из его пространства и меня укрادут, переманят?

Кресло покачивалось от ветра. Москва лежала в дымке. Жизнь только набирала обороты, как маховое колесо. Еще не кончилась юность, впереди молодость и зрелость. Дальше я не заглядывала.

Я была молода, а значит, бессмертна. И неисчерпаема, как море.

В Москве было место, где собирались жаждущие снять жилье и сдать. Мы с Игорем приехали на эту площадку. Серая нищеватая толпа перетаптывалась под открытым небом. Все бедные, плохо одетые, на лицах – обреченность. И я среди них, такая же нищеватая и обреченная. Ничего стоящего не предлагается. Перспективы – никакой.

Я поглядела на Игоря. Он стоял, как на автобусной остановке в ожидании автобуса. На лице никакой энергии, никакого азарта. Просто стоял, и все. Шапка из серого кролика была дешевая. Не украшала. И я вдруг поняла: он всю жизнь так и будет стоять, как на остановке. Он не борец. Не лидер. И даже не ведомый. Он не поведет за собой. И сам ни за кем не пойдет. Ему и так хорошо. И если я хочу чего-то добиться, я должна это делать сама и одна. Эта догадка пронзила меня и опечалила. Как будто я что-то потеряла.

Мы потоптались безрезультатно и поехали домой, в свою коммуналку.

Через полгода нам улыбнулась удача: вдовая генеральша сдавала проходную комнату.

Мы пришли посмотреть: я, Игорь и Соня. Я – впереди.

Вошли в дверь. Первое, что я увидела, – громадную морду овчарки. Ее звали Ральф. Это я узнала впоследствии. А сейчас было не до знакомства. Ральф долетел до меня, ухватил зубами плечо и замотал башкой в экстазе гнева. Я взвыла от боли и ужаса. Старая генеральша сделала Ральфу замечание. Тот отошел от меня и залез под стол. Я рыдала, не могла успокоиться. Сквозь разорванный рукав виднелся лиловый синяк величиной с блюдце. Следовало уйти из этого дома, но выбора у нас не было, и мы остались.

Я сидела и тихо плакала. Ральф преданно глядел на Игоря, он выбрал его вожаком. На меня не обращал внимания.

Мы остались жить у генеральши и Ральфа.

Наша любовь с мужем имела высокий градус. Можно сказать, полыхала, как факел. Но с тех пор я сомневаюсь в пословице «С милым рай и в шалаше». В шалаше холодно и течет. Бедность нашего жилища. Ветхость самой старухи. Ее геморройный голос, собачья шерсть на постели и на столе... Казалось, что так будет всегда.

Я жила на ощупь. Искала себя. Отправилась в журнал «Юность» и получила задание: собрать материал о сельскохозяйственной выставке. Собрала. Написала статью. Это было начало моей писательской карьеры.

Статью опубликовали. Моя фамилия – в журнале «Юность». Я – настоящий писатель, которого печатает столичный журнал.

Получив гонорар, я пригласила всю семью в ресторан: Соню, Леву, Игоря, Светочку. Мы сидели в ресторане «Центральный» принаряженные, торжественные. Это была наша общая радость и победа.

Сколько у меня было потом публикаций и премьер и сколько раз я праздновала эти события в ресторанах! Но то первое посещение стоит особняком. Это было так торжественно, так чисто и свято. Со мной была семья, а не люди со стороны. Я была часть семьи, часть целого. Семья – главная ценность человека. Она поддерживает слева и справа. Не дает провалиться и опуститься.

Из ресторана мы возвращались на метро. Эскалатор вез нас вверх, и я буквально возносилась.

Прошло полвека, а я в деталях помню этот поход и это возвращение, хотя что особенного? Ничего особенного...

«Кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет».

Я нашла кооператив художников, двенадцать минут до Кремля. На автобусе, разумеется.

Деньги собирали с большим напрягом. Моя мамочка сгребла свои трудовые копейки. Соня одолжила везде, где смогла. Обрела себя на длительную выплату долга.

Председатель кооператива некий Волков – простоватый, мелкоглазый – рассказывал мне о своей трагедии: его дочка-школьница попала под грузовик. Погибла. И теперь он хочет сменить прежнюю квартиру на новую, чтобы ничего не напоминало. Я сочувственно кивала головой. Что тут скажешь? От Волкова зависело, попадем ли мы в кооператив. Все же мы не художники и не имеем права.

Для закрепления дружбы я пригласила Волкова в гости на улицу Горького.

Соня угощала важного гостя обедом: блинчики с мясом, обильно политые сметаной. Волков ел и оценивал обстановку: культурные родители, милые люди. Взятка не светит. Только блинчики. Но личное несчастье размягчило его душу, и Волков принял нас в кооператив.

Муж ходил на жеребьевку. Нам досталась квартира на седьмом этаже. Буквально седьмое небо. Соседи – молодые художники. Двери не запирали. Все бегали друг к другу в гости в любое время суток. Это были даже не гости. Просто шло непрерывное молодое общение. Цыганская таборная жизнь. Весело.

Соня и Лева были счастливы, поскольку их сын пребывал в полном порядке. Он работал в НИИ (научно-исследовательский институт), получал сто двадцать рублей в месяц. Мало, но тогда всем так платили. Такая была страна. Ее выстроила Соня, сидя в Коминтерне. Не одна, конечно, в большой компании. Советский Союз – детище Сони, и она любила свою страну, верила в нее, и откровенная бедность бытия ее не смущала. «Как все, так и я».

А меня смущала. Я не хотела быть как все. Я собралась карабкаться по отвесной стене. Куда? Вверх. Сверху дальше видно, и воздух чище, и никакой толкучки. Только избранные.

Надо было с чего-то начинать, и для начала я устроилась в музыкальную школу. Преподавала фортепиано, десять учеников в день. Это много. Я уставала. Возвращаясь домой, выла от усталости. На меня оборачивались: идет девушка и воет.

Я выла не только от усталости, но и от отвращения. Преподавать музыку – не мое. Мое – слушать.

Директор школы Галина Петровна поручила мне организовать встречу учеников с каким-нибудь поэтом, желательно со знаменитым.

Я стала искать поэта. Достала с десятков телефонов. Принялась обзванивать. Девять из десяти были пьяные и моим предложением не заинтересовались. Десятым оказался Сергей Михалков. Он был совершенно трезвый и неожиданно согласился встретиться с детьми. Назначил день. Вторник.

Поэт попросил меня позвонить во вторник в десять утра. Подтвердить.

Я позвонила в одиннадцать. Мне не хотелось быть настырной.

– П-почему ты звонишь на час позже? – возмутился великий Михалков. – Тебе все равно: десять или одиннадцать?

Я растерялась. А потом поняла: точность – вежливость не только королей, но и всех воспитанных людей.

Сергей Владимирович – настоящий аристократ, и это было заметно во всем: в облике и в манерах.

Михалков выступил в нашей школе, читал свои прозрачные стихи.

Мы познакомились. Его поразило то, что в свои двадцать четыре года я занимаюсь таким серьезным делом – преподаю фортепиано. Он меня зауважал. С удивлением повторял: «Учительница...» На прощание поцеловал руку.

Потом исчез, вернулся в свою жизнь, исполненную творчества, славы, богатства. А я осталась там, где стою, вернее, где сижу: «Детский альбом» Чайковского, этюды Черни, ригодон, журчание... Откуда журчание? Это мой собственный храп. Я засыпала во время урока. Ученик переставал играть, оборачивал ко мне удивленное лицо. А я спала, сидя рядом, и улыбалась во сне.

Какое-то время так жить можно, но не всегда.

Я решила поступать во ВГИК (Институт кинематографии), на сценарный факультет. Я выбрала сценарный, поскольку мои литературные способности просились и пробивались наружу. Они выражались в том, что я очень интересно рассказывала. Меня хотели слушать.

Всесоюзный институт кинематографии находился у черта на рогах. Возле сельскохозяйственной выставки. От улицы Горького час на троллейбусе.

Игорь ходил хмурый. Ему казалось, более того, он был уверен, что я поступаю в бордель. Соня и Лева не знали, как относиться ко ВГИКу. Хорошо это или плохо.

Они видели, конечно, что их сын ничем не увлечен и согласен всю жизнь просидеть на одном месте в одном статусе. Может быть, в этом была высшая мудрость: «Летай или ползай, конец известен, все в землю лягут, всё прахом будет». Но ведь до конца, который известен, надо как-то дожить: либо летая, либо ползая. Это разное времяпрепровождение, разные настроения.

Я нравилась Соне и Лева. Они меня поддерживали и даже любили. Но Игорь был дороже. Это их сын, их кровь, а я – человек со стороны. Человек качественный, трудолюбивый, но – со стороны.

Я сдала документы. Приехала на собеседование, и выяснилось, что опоздала. Собеседование прошло днем раньше. Я зарыдала и с воём помчалась в деканат. На дороге мне попала Катерина Виноградская – преподаватель сценарного мастерства. Она набирала себе курс. Я воткнулась в нее и стала бормотать: «Я опоздала, я не знала, я хотела...» – и так далее. На моем лице было столько горя, от меня исходило такое отчаяние, как будто меня приговорили к смертной казни. Катерина Николаевна оторопела и прониклась.

Я была допущена до экзаменов и стала их сдавать.

Во ВГИК меня не взяли. Я недобрала одного балла.

Я приехала на Горького. Семья сидела за столом, пила чай. Все подняли на меня глаза. Я шибанула свою сумку об стену, прошла во вторую комнату-кишку и рухнула там на кровать как подстреленная, уткнулась в подушку. Рыдания неслись приглушенные, но тело сотрясалось от моего внутреннего землетрясения. Во мне все рушилось, рвалось и умирало.

Родители, Игорь и Светочка тихо приползли в комнату, окружили мое поверженное тело, скорбно молчали. Игорь тоже расстроился. Казалось, он должен быть доволен, я оставалась в его пространстве, при нем, можно жить спокойно, как прежде. Но он видел: я несчастна в этом его пространстве. Я рвусь как зверь из капкана. Он любил меня больше, чем себя. И внутренне согласился: пусть все будет по-моему, так, как я хочу.

Я еще не понимала: это редкий вид любви, идеальная любовь, когда нет никакой торговли: «Ты мне – я тебе». Только ты, только тебе, а мне ничего не надо, только будь.

Когда человек ничем не увлечен, он любит тех, кто рядом. А когда человек гениален, как Эйнштейн, для него люди – мусор. Он не в состоянии думать ни о ком, кроме себя и своей идеи.

Вечером к Соне зашла тетя Валя, мама Шурочки, приехавшая в гости из деревни. Она вызвалась погадать мне на картах. Карты показали, что появится козырный король и принесет исполнение желаний. Я поступлю в институт.

Бред. Какой король? Кто меня примет, когда экзамены уже закончились?

Но оказалось – не бред. Я позвонила Михалкову и зарыдала в трубку. Он не мог понять, кто там страдает и чего хочет. Я напомнила, кто я и что произошло. Сергей Владимирович тут же вспомнил девушку-учительницу, вспомнил свое уважение и принял участие. Он позвонил ректору ВГИКа. Ректор взял список сценарного факультета и вписал туда мое имя. Оказывается, был недобор. На другой день вывесили списки принятых, и там красовалась моя фамилия. Карты не наврали. Вот и не верь после этого.

На первое занятие я явилась с гордо поднятой головой. Я победила судьбу. Сквозь тернии к звездам. Но мой курс не разделил моей гордости. Было очевидно, что я блатная. А это оскорбляло их избранность и «святую к музыке любовь». Не к музыке, конечно, к литературе и кино. Они ступили в «город золотой с прозрачными воротами и яркою звездой». И я ступила туда же по блату, в сущности самозванка.

Меня невзлюбили. За что? А вот за это, за прическу бабетта и за талию шестьдесят сантиметров.

Сценарий – это мысль. А какая мысль может родиться в моей голове? Я могу рассчитывать только на козырных королей, сначала одного, потом другого.

И вдруг...

Профессор Вайсфельд объявляет задание: немой этюд. Я пишу этюд «Снег в июне». Про тополинный пух. Не совсем про пух. Про любовь, естественно. И Вайсфельд ставит мне пятерку. Больше никому, только мне одной.

А в группе гениальная Мокеева, многоумная Рыбкина, самородок Харламов. Им – четверки, а мне – огурцу-пустоцвету – высший балл.

Группа сбилась в стаю и пошла к Вайсфельду с протестом: «Почему вы поставили Токаревой пятерку, когда всем известно, что за нее написал Харламов?»

Вайсфельд выслушал и ответил:

– Это надо доказать.

Все остались при своих. Группа – с благородным негодованием. Я – с пятеркой. Вайсфельд – со своим абсолютным слухом мастера. Он мог услышать талант из-под земли.

Юра Харламов остался со своей неистребимой любовью ко мне. Он полюбил меня с первого взгляда. Группа пыталась вытравить из него это чувство. Говорили: «Она тобой поиграет и бросит».

Я не играла. Его чувство грело меня, и мы всегда садились рядом. Юра спрашивал:

– Что я должен сделать, чтобы ты стала моей?

– Ты должен стать знаменитым, как Юрий Казаков, – отвечала я.

Юрий Казаков сегодня почти забыт, но в шестидесятые годы он был знаменит. Его сравнивали с Буниным.

Я имела счастье познакомиться с Казаковым лично. Это был рыхлый, спившийся, запущенный, очень неприятный тип. Юра Харламов – много лучше: молодой, спортивный, нерас-trаченный, способный на сильные чувства.

Юрий Казаков рассказал мне при знакомстве, как он с Евтушенко посетил университет: они вошли в полный зал, конференсье объявил: «Среди нас присутствуют поэт Евгений Евтушенко и писатель Юрий Казаков». Весь зал встал. Шквал аплодисментов.

«Приятно? Приятно. И нечего пердеть», – заключил Казаков.

Я запомнила этот афоризм. И он часто меня посещает, когда мне что-то очень нравится. Я спрашиваю себя: «Приятно? Приятно...» – и так далее.

Юра Харламов не стал знаменитым. И я не ответила на его любовь. Группа оказалась права, как это ни жестоко.

Надо сказать, что никто из моей группы никуда не влез по отвесной стене. А может, и не пытались.

Мало кто из вгиковцев становятся известными сценаристами. Талант – редкость. Природа не заинтересована в большом количестве талантов. Нужны рабочие муравьи, как в муравейнике. А иначе кто работать будет?

Светочка была круглая отличница и шла на золотую медаль.

В десятом классе она влюбилась в Марика.

Марик учился на крепкое три. Не дурак. Просто лентяй.

Высокий, сутулый, некрасивый. Но это мне некрасивый, а у Светочки буквально жгло глаза от его красоты.

Из Светочки получилась справная девушка: нежная кожа, как лепесток тюльпана, хорошая грудь, тонкая талия. Низкий умный голос, сдержанность, за которой прятались сильные чувства. Около Светочки было приятно находиться. Она – как фильтр, очищала и освежала все вокруг. Воздух становился чище, и даже дурные мысли разбегались и прятались. Счастливым будет тот человек, кого она выберет.

Светочка выбрала Марика. Была скромная свадьба. Белое в цветочек платье, похожее на пляжный сарафан. Откуда деньги? У Левы и Сони свободных денег не было, одни долги. А родители Марика в расходах не участвовали. Считали, что Марик сам по себе большой пода-рок.

После свадьбы Светочка с Марином отправились на пустую дачу Марика. Сонечка собрала сумку с едой, сложила туда баночки, кастрюльки – все самое вкусное, на что была способна. Светочка повезла на дачу свою нетронутую девственность и надежду на счастье. Все это вместе с сумкой было положено на алтарь любви.

Светочка и Марик удалились в незабываемые минуты своей жизни, а Сонечка удалилась в спальню и тихо плакала. О чем? Трудно сказать. Может быть, ей было жалко хрупкую, неприспособленную Светочку, которая переходила в другую, взрослую, жизнь и в ненадежные руки Марика.

На дворе – шестидесятые годы. Время дефицита. Вся страна ела одно и то же: вареную колбасу под названием «Докторская», филе трески, заветренное мясо на костях.

Подруга Нателла (грузинка) познакомила меня с мясником Славой из соседнего гастронома. Грузины умеют вкусно кушать.

Я спускалась в подвал, Слава отрезал от мясной туши роскошный кусок с сахарной косточкой посередине. Такое мясо было жалко есть. Его хотелось рисовать. Получился бы натюрморт, как на полотнах голландцев.

– Где ты это взяла? – удивилась моя свекровь.

– В соседнем гастрономе.

– Там этого нет. Я сегодня туда заходила.

– Вы не туда ходите, – объяснила я. – Надо идти в подвал к Славе.

Соня не поняла:

– К какому Славе?

– В подвале дают дефицит, – растолковала я. – Деньги мимо кассы, Славе в карман.

– Значит, он ворует? – догадалась Соня.

– А это не наше дело.

– Ты ошибаешься. Это именно наше дело.

Сонечка была комсомолка тридцатых годов, у нее было свое мировоззрение: «общественное выше личного».

– Я не буду разговаривать страну по подвалам, – строго объявила Соня.

– Другие разворуют.

– Пусть другие воруют, а я не буду. Я не для того строила это общество, чтобы поощрять преступные элементы.

– Сейчас другое время, – напомнила я. – Все воруют и врут.

– Пусть воруют, а я не буду.

– Тогда вы будете есть то, что осталось от нас.

– Как все, так и я, – ответила Соня.

Коммунист должен быть гордым и преданным делу революции. Зомбированное поколение. Жили плохо, бедно, несправедливо, и, чтобы оправдать эту жизнь, им внушили, что так и надо, так должно быть. Сейчас плохо, зато потом будет хорошо. Будет коммунизм. Практически дурили головы. А они, «комиссары в пыльных шлемах», соглашались быть обдуренными, чтобы как-то оправдать свою молодость, свое начало.

Сейчас эти семьдесят лет с семнадцатого года по восемьдесят седьмой называют «проект». Был такой проект, который длился семьдесят лет, целую человеческую жизнь. Проект провалился. Ну что ж, ошибка вышла. Бывает. С точки зрения вечности семьдесят лет – мгновение.

Светочка и Марик поселились на улице Горького.

Светочка любила папу и маму, а Марику было невыносимо вариться бок о бок с чужими людьми. Он стал пропадать. Лева бесился. Он не мог вынести такого пренебрежительного отношения к любимой дочери. Соня молчала и тяжело дышала. Марик оскорблял ее чувство семьи. При этом не скрывал своего хамства, нарывался.

Где он бывал? Откуда возвращался под утро? Может быть, из чужой постели с чужими запахами?

Светочка обмирала от дурных предчувствий и от стыда перед родителями.

В довершение ко всему она оказалась беременна. Нормальная история. Задача природы – размножение, и молодое женское тело для того и предназначено, чтобы размножаться. Грудь – чтобы кормить, живот – чтобы вынашивать, красота – чтобы привлекать. Но. Вмешались жилищные условия. Некуда поставить кровать. Не себе же на голову. Далее: какой из Марика отец? Он еле держится в семье, того и гляди сбежит. А если сам не сбежит, его надо гнать в три шеи.

«Квартирный вопрос испортил людей». Я не помню, кто это сказал, кажется, Булгаков. Справедливое наблюдение. Когда людям тесно, они перестают быть самими собой.

Сонечка выдвинула идею: аборт. Это была самая близлежащая и самая тупая идея.

Светочка, оглушенная неверностью мужа, согласилась с мамой и сделала аборт.

Через месяц она снова забеременела. На второй аборт не отважились, решили оставить. Ребенок просидел в Светочке до шести месяцев и покинул помещение на три месяца раньше срока, весом девятьсот граммов. Родился он в том же самом ноябре, когда должен был появиться первый. Но тот первый был бы доношенный, здоровый, полноценный. А это значит совсем другое будущее у ребенка, у Светочки и у Сони. Все-таки Соня была социалист-утопист, не умела смотреть в будущее, даже в ближайшее. В ней не было мудрости, какая бывает в простых русских бабах, в моей матери, например.

Врачи поместили недозрелый плод в кувез (искусственная матка) и стали его выдерживать до готовности, как зеленый помидор под подушкой. Дорастили до двух с половиной килограммов и отдали Светочке.

Это был мальчик. Его называли Максимилиан, как римского императора, если я не путаю.

Максимилиана принесли домой. Его имя было больше его самого.

Я заглянула в кровать и ужаснулась такой малости. Тельце хрупкое, как у лягушонка. Его было опасно взять в руки, страшно что-нибудь сломать.

Я хотела испугаться вслух, но вовремя спохватилась и сказала:

– Гений чистой красоты...

Светочка считала так же. Все видели мальчика слепотой любви.

Рос он тяжело. С мозгами все было в порядке, но физика отставала: глухой, горбатый. Не совсем глухой и не совсем горбатый, но скрюченный, тугоухий. Он плохо слышал и старался различать слова по губам. Смотрел собеседнику в рот, и его лицо становилось напряженным. При всем при том внутреннее наполнение – как у Светочки: чистый, доверчивый, добрый. В нем не было никакого шлама: ни злости, ни зависти. Буквально капля утренней росы на траве.

Марик бросил семью, брызнул в сторону, как таракан. Нашел себе другую, с жилплощадью. Светочка его оправдывала. Невозможно людям разных поколений жить вместе вплотную, тереться задницами.

Светочка смирилась, но каждый вечер она уходила в ванную комнату, пускала воду, чтобы заглушить все звуки, садилась на край ванны и горько плакала. Она оплакивала свою поруганную любовь, своего недоделанного мальчика и предстоящую жизнь без ласки и без мужской поддержки. Светочке предстояло прожить долгий ряд дней и ночей. Каждую ночь ложиться в пустую холодную постель, и этих ночей – не счесть, как звезд на небе.

Через какое-то время Светочка завела себе кота. Он, конечно, не заменял мужа, но был живой и теплый, спал в ногах, пел свою кошачью мелодию, улыбался и гневался по обстоятельствам, а главное – любил Светочку, был предан ей с потрохами и не променял бы свою хозяйку на другую, с жилплощадью.

Преданность – вот главное качество животных, и этим они отличаются от людей.

Светочка тоже любила кота, варила ему рыбу. В доме отвратительно воняло вареной рыбой.

Игорь был оскорблен таким союзом. Он неуважительно отзывался о коте. Светочка слушала молча. А что она могла возразить? Если рядом нет человека, то лучше кот, чем ничего. Ничего – это пустота. Пустота нас ждет за гробом. А кот – это все-таки форма жизни, шелковая шерсть под ладонью, красивейшие изумрудные глаза и зависимость.

Человеку требуется, чтобы кто-то зависел от него. Быть кому-то нужным. Необходимым.

Я бросила свою музыкальную школу. Я училась во ВГИКе и писала короткие сюжеты. Относила в редакцию киножурнала «Фитиль».

«Фитиль» располагался на «Мосфильме». Его возглавлял Михалков Сергей Владимирович.

Сейчас все забыли об этом киножурнале, а ведь он поднимал острые проблемы: воровство, коррупцию тех времен. Коррупция не была такой всеобъемлющей, как сегодня, но в своих объемах она была и тогда. Михалков бесстрашно сражался на этой передней линии фронта. Ему любят припоминать недостатки, а достоинства как-то забыли. А я помню. Это был поэт и гражданин. При этом богат, знаменит, удачлив. Что же получается? Одному – все, другим – ничего, ни денег, ни таланта. Ничего не поделаешь. Люди не равны, как в муравейнике и как в пчелином рое. Есть рабочие пчелы, есть военные, а есть трутни. А еще имеется пчела-царица. Видимо, так должно быть и в человеческом сообществе. Свобода, равенство и братство – это миф. Особенно равенство. Какое может быть равенство между умным и дураком, между тружеником и лентяем?

Я благодарна Сергею Владимировичу по сей день. Я барахталась, тонула в жизненных волнах, а он протянул мне свою крепкую руку и вытащил на берег. И сказал: «Иди!» И я пошла.

Я думаю иногда: а что, если бы я не барахталась, а смирилась и осталась бы на всю жизнь учительницей музыки: ригодон, этюды Черни, сонаты Гедике... На ум приходят мысли чеховской Каштанки: «Нет. Так жить невозможно. Лучше застрелиться».

Писателю свойственна графомания. Мания письма. Ни один нормальный человек не сядет и не начнет писать «Войну и мир». Это же сколько страниц... Я сейчас не говорю о таланте. Просто о количестве труда, сидения за столом с опущенной головой и сгорбленной спиной.

Мне тоже была свойственна графомания, не в таких размерах, как Льву Николаевичу, но все же...

В один прекрасный день, именно прекрасный, я получила по почте журнал «Новый мир» и прочитала там два рассказа: «Хочу быть честным» и «Расстояние в полкилометра». Автор – Владимир Войнович. Меня опалило. Я вдруг поняла: для меня литература – это примерно то же самое, что идея коммунизма для Сони. Я поняла – зачем я живу, и что буду делать в дальнейшем, и КАК к этому идти.

Мне захотелось познакомиться с Владимиром Войновичем и заглянуть в его глаза.

Познакомилась. Заглянула. Дала прочитать свой «Фитиль» – две страницы. Читать недолго. Он прочитал и сказал:

– Твоя сила в подробностях. Пиши подробно.

Я пришла домой. Села за кухонный стол (другого не было), положила перед собой пачку бумаги и стала писать подробно. Из двух страниц у меня получились сорок две. Я отнесла эти страницы Войновичу. Он прочитал и сказал:

– Название надо поменять. Пусть будет «День без вранья».

Дальше этот рассказ напечатали в журнале «Молодая гвардия», и я стала знаменитой.

Свои взаимоотношения с Войновичем я уже описывала. Не хочу повторяться. Я застала его в период влюбленности в Ирину, жену своего друга. Он всячески ее добивался – и при этом не пропускал ни одной юбки. Такой он был маленький и шустрый.

Меня он воспитывал как педагог, как человек высокой нравственности, но при этом бросил свою первую жену Валю с двумя детьми. Валя была без образования, не могла свести концы с концами. Войнович в те времена «диссидил», ничего не зарабатывал и не мог им помогать. В результате он уехал за границу, обрел славу правозащитника. Это была внешняя сторона его жизни. А внутри жизни – умерла жена Валя, умерла дочь Марина и умер сын Паша, прожив половину отпущенного срока. Они умерли не одновременно, а по очереди. Последним умер Паша в возрасте пятидесяти лет.

Владимир Войнович был влюблен в Ирину и все бросил в топку любви. И дружбу, и семью, и детей, сделав их подранками.

Топка любви в конце концов прогорает и стынет, а подранки остаются и несут свою боль в дальнейшую жизнь.

За все приходится платить, как известно, но иногда встает вопрос: стоит ли одно другого? Стоит ли слава правозащитника ранних могил твоих детей?

Я думаю, эти мысли посещали Войновича в старости, в период осмысления.

Вышел мой рассказ «День без вранья». Я получила мешок писем из тюрем и от солдат срочной службы. Все корреспонденты делали мне предложение руки и сердца. Но было поздно. Я уже была беременна. Мы с Игорем ждали ребенка. Боже, как мы его ждали... Ультразвука еще не существовало. Мы не знали, кто явится: мальчик или девочка? Явилась девочка, свет очей.

Это было счастье пополам с нечеловеческой нагрузкой. Я почти не спала ночами, сидела возле кровати и читала роман Бакланова. Военная литература. Было интересно.

Через месяц выяснилось, что у нашей девочки подвывих тазобедренного сустава. Такое часто бывает.

Врач – старый высокий еврей – предложил носить распорку. Это такое приспособление, когда ножки стоят на ширине плеч и тазобедренный сустав встает на место. Наша дочка не могла привыкнуть к распорке, постоянно просыпалась и плакала. Игорь вылезал из-под одеяла и всю ночь носил ее на руках. В шесть часов начинало светать, из мрака вырисовывалось крошечное личико. Игорь вглядывался в драгоценные черты дочки и поражался ее незащищенности и зависимости. Вот он разведет руки, ребенок упадет и разобьется. Что это значит? То, что руки должны быть сильные, стальные и надежные. Его сердце становилось горячим и тяжелым от любви. Эта любовь заполняла все его существо, и больше уже ничего туда не помещалось.

Я никогда в своей жизни не видела такой привязанности отца к своему ребенку. Любовь оказалась взаимной, двусторонней и пожизненной. Эта любовь – козырный туз, который побивал любую карту в колоде жизни.

Тазобедренный сустав встал на место. Распорку не выкинули, а положили на антресоли, для памяти.

Наша дочка начала ползать, потом ходить. И со временем легкая походка стала составной частью ее красоты.

Мой рассказ вышел летом. Мы с Игорем отдыхали на Рижском взморье. Море, копченая рыба, восхитительные молочные продукты. Прибалтика – маленькая заграница. А тут еще вышел номер журнала с моим рассказом и с предисловием Константина Симонова.

В Москву я вернулась загорелая и знаменитая. Моя соседка по этажу говорила своему зятю (моему ровеснику):

– Сядь и напиши рассказ. Даже эта лошадь Вика написала, а ты же умнее ее в сто раз.

Я была отнюдь не лошадь, а двадцатишестилетняя девушка в модном платье.

Рассказ заметили все и сразу, и мне было предложено выпустить книгу, вступить в Союз писателей, а также написать сценарий к фильму.

Карьера прыгнула с места в карьер (я, правда, не знаю, что такое карьер).

В довершение ко всему меня как восходящую звезду пригласили на ленинградское телевидение. И я поехала.

В купе оказались трое писателей: Солоухин, Виктор Боков и еще один с римским именем Гораций.

Солоухин читал свои стихи. Я запомнила одну строчку: «Мы – волки, и нас по сравнению с собаками мало». Он читал, нажимая на букву О. От него веяло деревней и народной глубиной.

Боков тут же сочинил и подарил мне стихи, довольно талантливые, но при этом Виктор Боков был обычный примитивный мужик. А вот Гораций произвел на меня неизгладимое впечатление. Он был модно одет, таинственно молчалив и абсолютно бездарен. Мы приехали в Ленинград. Нас показывали по телевизору, потом куда-то везли. Я не помню, кто и куда. Это было давно. Запомнила только то, как я выходила из машины. Осень. Булыжная мостовая поблескивает от света фонарей. Я – на каблуках, в американском белом пальто, знаменитая и неотразимая, как Мэрилин Монро. Все в меня влюблены, соревнуются за первенство, а впереди жизнь-праздник. Ни одного пустого дня.

Киностудия «Мосфильм» заключила со мной договор. Ко мне приторочили молодого режиссера. Это был выпускник ВГИКа Андрей Ладынин – сын Пырьева и Ладыниной.

Иван Пырьев – лидер и вожак. Его сын Андрей – ни богу свечка, ни черту кочерга. А может быть, и свечка и кочерга, но не для меня. Мы с ним не совпадали, как птица и рыба.

Сценарий буксовал, ни туда ни сюда. У меня не было никакого сценарного опыта, только страстное желание пробиться на экран. Кино того времени – это золотой ключик, который открывает все двери. Фильм выходит, неделю шумит по стране – и через неделю ты знаменит и богат. На потиражные можно было купить машину «Волга».

Однажды в коридоре «Мосфильма» меня остановил великий Пырьев.

– Зайди, – велел он мне.

Я зашла в его кабинет, села напротив мэтра. Он налил себе чай из самовара, стал помешивать ложечкой. Мне не предложил. Невоспитанный человек, хоть и лидер.

– Что ты можешь сказать о моем сыне? – спросил Пырьев.

– Очень интересная личность, – сказала я, понимая, что разговариваю с родным отцом и правда здесь неуместна.

– Его жена говорит: «Когда сдохнет этот старик?» – пожаловался Пырьев.

– Какая сволочь, – отреагировала я, хотя не знала внутрисемейных отношений. Знала только, что у Андрея жена Люда, которая училась с ним на одном курсе, была хороша собой и рассчитывала на блестящее будущее. Андрей практически не учился во ВГИКе. Он приходил в институт только для того, чтобы увидеть свою Людмилу. Когда человек влюблен, он становится талантлив. В нем зажигается божественный огонь.

Надежды Людмилы не оправдались. Звезда Пырьева закатывалась, Ладынина старела в одиночестве, Андрея называли «Тени забытых предков», и он действительно был похож на тень – худой и вытянутый.

Я уже где-то писала об этом, приходится повторяться. Но что же делать? Так было. Из песни слова не выкинешь.

Жена Людмила рассчитывала на другое развитие событий. Она злилась и даже бросила Андрея. Ее никто не подобрал. Она рано умерла. А все так радужно начиналось...

К нашему хромому сценарию Пырьев подключил мощную артиллерию: Эльдар Рязанов – художественный руководитель, и Георгий Данелия – доработчик сценария. Это были знаменитые уже тогда режиссеры-постановщики. Успех Андрею был обеспечен.

Мой редактор Нина Скуйбина привела меня к Данелии на дом, и я предстала перед его очами: молодая, застенчивая, готовая прыгнуть в огонь, пожертвовать собой за его высочество фильм. Данелия ценил преданность идее. Мы вцепились в работу и закончили ее за две недели. Отнесли на «Мосфильм». Я помню, как мы шли по Чистым прудам и мне казалось, что я парю над землей. Не высоко, но все равно парю, не касаясь земли. Что это было?

Художественный совет принял сценарий, но Андрей Ладынин от него отказался. Дескать, Данелия исказил замысел.

Существует мнение: чем хуже литература, тем лучше кино. Это справедливо. Кино – искусство грубое и зримое. А литература – сродни музыке. Сценарий получился примитивнее, чем мой рассказ, но зато это был готовый продукт, годящийся в производство.

Андрей интересничал, отказывался от готового продукта. Я думаю, что он не хотел снимать вообще. Боялся. А тут увидел, что снимать придется, и сделал ноги. Выпрыгнул из поезда.

Свято место пусто не бывает. На сценарий тут же нашелся другой режиссер: Алексей Корнев – друг Эльдара Рязанова.

Я почти каждый день бегала на съемку. Становилась свидетелем откровенной халтуры. Актеры перевирали текст. Я цепенела от горя.

Здесь же крутилась жена режиссера. Я кидалась к ней за спасением:

– Они искажают текст, гонят отсебятину. Скажи Алексею...

Жена поворачивала ко мне гневное лицо и выкрикивала:

– Алексей с утра не жавши! Он умрет, и мои дети сиротами останутся... – Потом отворачивалась и вопила: – Алексей, съешь апельсинчик!

Моя жизнь была поругана. Мы с Данелией перебирали каждое слово, как жемчужины, искали подходящее, а они, актеры, плевали на нашу «святую к музыке любовь». Это было так оскорбительно...

Главную роль играла Валя Малявина с глазами как черные омуты. Накануне она снялась у Тарковского в фильме «Иваново детство». Андрей был в нее влюблен и говорил: «На свете счастья нет, а есть покой и Валя». (У Пушкина: «покой и воля».)

Вале ничего не надо было играть в нашем фильме. Просто быть красивой, коей она и была.

Фильм снят. Его закрыли. Почему? Потому что учитель жил один день без вранья. Возникал вопрос: один день? А остальные что же, врал? И это называется учитель? Чему же он может научить?

Фильм прикрыли. В те времена это делали тихо и подло. Ничего не говорили. Никуда не вызывали. Просто прошелестел слух – и тишина. Как сквозняк.

Я узнала новость от своей редакторши. Даже не от своей. Она сидела в одной комнате с Ниной Скуйбиной. Ее звали Неля. Неля сообщила мне, глядя в зеркальце, рассматривая прыщ на лбу:

– Твой фильм закрыли.

Я остоленела.

– Как закрыли?

– Так, – ответила Неля.

– А почему ничего не сказали?

– Они не говорят.

– А почему?

– Им бы за этот фильм жопу надрали. А так – не надерут.

– Но ведь фильм – это большой труд большого количества людей...

– Ну и что? Финансирование государственное. А государство у нас не бедное.

Я подошла к телефону и набрала Данелию. Трубку сняла жена Люба Соколова.

– У нас закрыли фильм, – проговорила я и зарыдала.

– Теперь плачь и вытирай слезы на кулак, – спокойно сказала Люба.

Я поняла, что это горе – только мое. Всем остальным плевать с высокой колокольни. И Данелии в том числе. Это же не его фильм. Это просто форма заработка во время простоя. Мне ничего не оставалось, как плакать и вытирать слезы на кулак. Единственно, кто выиграл, так это Алеша Коренев. После моего фильма ему дали новую постановку, и он снял фильм «Большая перемена», который жив до сих пор.

Я пошла работать на телевидение. Моя должность называлась «штатный сценарист». Я даже не помню, что я писала. Какую-то хрень про Джона Рида. Американец, бедный романтик, приехавший в Россию, чтобы умереть от тифа.

Однажды я встретила в коридоре Гену Шпаликова. Он спросил:

– Что ты здесь делаешь?

– Работаю, – ответила я.

– Нечего тебе здесь делать, иди домой.

Он был прав. Мне совершенно нечего было делать в этих тусклых коридорах среди тусклых людей. Толпы никчемушников ходили туда-сюда, создавали советское телевидение.

Как я скучала по данелиевскому дому, по его солнечной маме, вкусной еде, кошачьему облику Георгия. Данелия – кот. Если кота поднять за передние лапы и поддержать, получится фигура Данелии: зад назад, живот вперед. Но главное в Данелии не кошачество, а талант, который освещал все вокруг, как солнце. Когда долго смотришь на солнце, потом не видишь ничего вокруг себя. Все обесцвечено.

Так и я. Жила, ничего не видя вокруг себя. А на что смотреть?

Меня спасала семья, которая стояла прочно, как скала. Меня спасали мои ненаписанные книги и мой талант, хотя и нескромно об этом говорить. Талант – как грудной ребенок: орет, требует, его надо обслуживать, забывая о себе. Мой талант держал меня на плаву и говорил: «Ничего не кончилось, все еще будет».

Я решила похудеть. Мне подсказали диету: сухое вино и сыр. Всё. И так целую неделю. Пить вино и закусывать сыром.

Я купила шесть бутылок сухого вина и поставила в холодильник.

Игорь заглянул в холодильник, увидел запасы. Обмер. Потом очнулся и позвонил своей маме.

– Вика спивается, – мрачно сказал он. – Надо что-то делать.

Сонечка незамедлительно явилась в наш дом. Глаза у нее были как у орла, который вылетел на охоту.

Не раздеваясь, она прошла в комнату и села напротив меня.

Дочка спала. Настя (наша няня) развешивала на балконе белье.

– Вика! – торжественно начала Соня. – Я хочу с тобой поговорить!

– Говорите, – согласилась я.

Я любила Соню. В ней было что-то очень добротное, вызывающее уважение.

– Вика! – торжественно повторила Соня. – Когда в доме пьет муж, это плохо, но куда ни шло. Но когда пьет жена, дом горит...

Она замолчала.

– И чего? – не поняла я.

– Учти! Мужской алкоголизм лечится, а женский никогда. Это конец. Это дорога в пропасть.

– Возможно, – согласилась я.

– Если это начало, если это можно как-то захватить и пресечь, надо успеть, пока не поздно. Ты меня понимаешь? Надо взять себя в руки! Главное, затормозить и взять себя в руки!

– А кто пьет? – не поняла я.

– Ты.

– Я? – Мы молча уставились друг на друга. – С чего вы взяли?

– У тебя в холодильнике запас спиртного.

Я захохотала. Я все поняла. Игорь настучал. Он увидел шесть бутылок и решил, что женился на алкашке. И призвал маму, как МЧС. Он решил за меня бороться. Он решил меня спасти. А мог бы спастись сам.

– Я не пью и не курю, – спокойно сказала я. – У меня нет вредных привычек, кроме одной. Соня ждала.

– «Привычка ставить слово после слова».

Привычка к творчеству тоже зависимость, и бороться с ней бесполезно. Это зависимость пожизненная. Это наполняет жизнь и выживает ее. Это дар и крест.

Привычка ставить слово после слова, а рядом талант, как пастух с кнутом. Погоняла.

Соня в этот день ушла от нас окрыленная. Ее невестка без вредных привычек, не пьет и не курит. А со всем остальным можно справиться.

Творчество лишает человека маневренности. Он сидит, привязанный к письменному столу, и никуда не рыпается. Не подвержен соблазнам.

Творчество и есть самый большой соблазн.

«Джентльмены удачи»

У Данелии был друг Александр Серый, сокращенно Шурка. Они вместе учились на режиссерских курсах.

Хочется рассказать, как Данелия попал на режиссерские курсы.

Он шел утром по улице, увидел бомжа, который валялся возле мусорного бака. Бомжу стало неудобно пребывать в такой праздности, когда люди идут на работу. Он поднял с земли газету, развернул ее и стал читать, опершись спиной о мусорный бак. Он хотел изобразить порядочного человека: проснулся, читает газету. В газете крупными буквами было написано: «Объявляется набор на высшие режиссерские курсы».

Так Данелия узнал о наборе. Божий промысел. А дальше – дело техники. Данелия сдал документы и прошел. Это было начало.

На курсах Гия подружился с Александром Серым (Шуркой).

У Шурки была девушка Марина. Он ее обожал. Марина многим нравилась, в том числе архитектору Диме. Дима – ничего себе: умница, красавец. Не хуже Серого.

Однажды он пригласил Марину на романтический ужин. Она согласилась. Почему бы и нет? Изменять Шурке Марина не собиралась, просто ей нравилось нравиться. Девушкам необходимо самоутверждение.

Настал вечер. Шурка позвонил Марине. Мама Марины взяла трубку и сказала, что дочери нет дома. Она пошла в гости к Диме.

У Шурки что-то переклинило в мозгах. Ревность – всеобъемлющее чувство, такое же, как любовь.

Шурка взял маленький топорик для сечки капусты, явился к Диме и дал ему топориком по голове. Точнее, по темени. Марина тем временем сидела с ногами на диване. И это все. Просто поджав ноги, просто на диване. Туфли стояли на полу.

Марина была свидетелем того, как Дима упал и вокруг его головы стала натекает лужица крови.

Позже выяснилось, что у Димы проломлено темя. Врачи заменили кость куском пластмассы. Надо же было как-то залатать.

Человеческая кость дышит. А пластмасса не дышит. У Димы стало подниматься внутричерепное давление. Все кончилось тем, что из полноценного и молодого он превратился в инвалида с палкой. Жизнь была перерублена одним Шуркиным взмахом.

Шурку посадили в тюрьму и дали ему восемь лет за нанесение тяжкого вреда здоровью. Отсидел он пять. Его вызволила мамаша, крупный ученый-биолог. Марина Шурку дождалась и вышла за него замуж.

Через пять лет Шурка вернулся из мест заключения. В тюрьме он приобрел новый опыт: спать с открытыми глазами. Сидел с остановившимся слюдяным взглядом, как свежемороженый окунь с головой.

На «Мосфильме» Шурку игнорировали. Тюрьма поднимает репутацию уголовника, но не режиссера. Шурке не давали снимать. Заняться ему было нечем, и он целыми днями сидел дома на диване и спал с открытыми глазами.

В качестве мужа Марина получила неработающего, вялого, скучного Шурку. Лучше бы он сидел в тюрьме и писал оттуда страстные письма.

Данелия – грузин, а для грузина друг – это святое.

Данелия отправился к директору «Мосфильма» Сизову и попросил постановку для Серого: «Под мою ответственность. Я ручаюсь. Клянусь головой».

Слова «я ручаюсь» – воздух. Данелия может ручаться сколько угодно, а Серый снимет серую халтуру. И что тогда? И голова Данелии тоже никому не нужна. Нужен качественный фильм, и это значило, что Данелия должен неотлучно быть при картине, и если не так пойдет, сам встать за камеру. Данелия должен будет отвечать за каждый этап, с начала до конца. Это значило: сценарий, режиссура, монтаж – всё под контролем Данелии.

В это время Данелия находился в простое. Его проект «Хаджи-Мурат» закрыли. Почему? Потому что Толстой сочувственно описал чеченцев и с презрением отзывался о русских солдатах. Это была пора завоевания Кавказа. Русские вели себя как скоты, гадили в источники. Кавказцы воевали мужественно, с Аллахом в сердце. «Аллах акбар» – поэтому мусульман победить было невозможно и тогда и теперь.

Данелия считал повесть «Хаджи-Мурат» лучшим произведением Толстого. Он тщательно готовился, выбирал актеров и должен был запускаться, но фильм закрыли.

Данелия – человек действия. Он не умел сидеть без дела. Его делом стал Серый.

Прежде всего надо было придумать сценарий. Предыдущие соавторы Данелии: Валентин Ежов, Гена Шпаликов, Виктор Конецкий – все многопьющие.

Историк моды Александр Васильев говорил: «Многопьющий человек, как соленый огурец. Вкусный, но витаминов – нуль».

Я передала эти слова Данелии, он ответил: «Ничего подобного. И вкусный, и очень полезный».

Данелия и сам был многопьющий, но он, как Сталин, не признавал за собой никаких недостатков либо переводил их в достоинства.

Мама Данелии ограждала сына от пьянства. Она боялась, что он испортит печень, загубит жизненно важный орган и умрет раньше отпущенного ему времени.

«Я не хочу жить и ждать, что он умрет», – стонала Меричка и при этом плакала басом. Трубила, как слон.

Из соавторов единственно непьющей оказалась я. Поэтому выбор пал на меня.

Данелия позвонил мне домой и предложил писать сценарий для Серого.

Прощай, телевидение, прощайте, скука и тоска, прощай, пропащая жизнь. Над моей головой стояли тяжелые лиловые тучи, и вдруг они раздвинулись, выглянуло солнце. Яркие лучи осветили мою жизнь. «Какое счастье, мы едем в Холмогоры...»

Я и Шурка нарисовались в узкой комнате Данелии. Была произнесена первая фраза: «По пустыне шел верблюд...»

Замысел будущего сценария состоял в том, что молодой милиционер решил обойтись без тюрем. Можно просто перевоспитывать уголовников, как трудных детей. А именно: трудом, образованием, уважительным отношением.

Мы уже настроились на работу, но хитрый Данелия решил заранее заручиться господдержкой.

Мы отправились на Пушкинскую площадь. Там находился особняк, в котором размещались главные милицейские начальники. Вошли в особняк. При входе стоял милиционер. Он проверил наши документы, потом позвонил куда-то и доложил: «Даниэль пришел».

В это время шел процесс над Синявским и Даниэлем. Гию приняли за Даниэля ввиду схожести фамилий. Почему бы Даниэлю и не прийти к высокому начальству?

Нас впустили. Принял нас генерал, похожий на всех генералов: широкий, как шкаф, тяжелый, лицо квадратное.

Данелия пересказал ему сюжет будущей комедии. Генерал выслушал и возмутился:

– А зачем же тогда все пенитенциарные службы?

Я не поняла слова «пенитенциарные», но догадалась: «карательные». То есть тюрьмы.

Генерал был недоволен и спросил:

– А почему вы не можете придумать такую комедию, как «Волга-Волга» или «Веселые ребята»?

Данелия сочувственно закивал, соглашаясь с генералом.

Лично мне эти фильмы тридцатых годов казались примитивом. Для своего времени они, конечно, годились, но сегодня... Тем не менее Данелия согласно улыбался и кивал.

Я поняла, что он – дипломат. Не лезет на рожон, иначе окажется рядом с Даниэлем.

Политика – это искусство компромиссов, как известно. Данелия пошел на компромисс. Он сохранил замысел, но переделал профессию главного героя: был милиционер – стал директор детского сада. Это улучшило замысел. Воспитательные функции более свойственны директору детского сада, нежели милиционеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.